

Серия
«Антология мысли»

Е. В. Тарле

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ
ГОСУДАРСТВ
(КОНЕЦ XV — НАЧАЛО XIX ВЕКА)**

2-е издание

**Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2021

УДК 93/94
ББК 63.3(0)
Т20

Автор:

Тарле Евгений Викторович (1874—1955) — российский и советский историк, педагог.

Тарле, Е. В.

Т20 Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX века) / Е. В. Тарле. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 418 с. — (Антология мысли). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-14213-6

Труд известного русского историка Евгения Викторовича Тарле (1874—1955) «Очерки по истории колониальной политики западноевропейских государств» создавался в 1933—1934 гг. и охватывает начальный период колониальных захватов и колониальной эксплуатации (XV — начало XIX вв.). Работа состоит из пятнадцати очерков, которые последовательно рассматривают историю развития колониализма от предпосылок европейской экспансии эпохи Средневековья и до наполеоновской колониальной политики. Неоспоримым достоинством работы Е. В. Тарле является то, что развитие колониальной политики показано в своем логическом развитии, с учетом причин и следствий даже тех исторических событий, которые, на первый взгляд, не имели прямого отношения к происходящему. В книге активно используются современные автору исследования отечественных и зарубежных ученых, подвергаемые Е. В. Тарле глубокому анализу.

Несмотря на то, что с момента создания очерков положение многих колониальных стран значительно изменилось, исследование Е. В. Тарле актуально и по сей день и будет интересно как студентам исторических специальностей, так и широкому кругу читателей.

Издание имеет значительную историческую, художественную или иную культурную ценность и в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» под действие указанного Федерального закона не подпадает.

УДК 93/94
ББК 63.3(0)

Разыскиваем правообладателей и наследников Тарле Е. В.: <https://www.urait.ru/inform>
Пожалуйста, обратитесь в Отдел договорной работы: +7 (495) 744-00-12; e-mail: expert@urait.ru

Оглавление

Введение.....	8
Очерк первый	10
Целевая установка. Возникновение колониальной политики. Переход к товарному производству. Возвышение Венеции и всего Восточного Средиземноморья. Наступление турок-османов. Экономические причины крестовых походов. Их результаты. Поиски морского пути в Индию. Экспедиции вдоль Западно-Африканского побережья. Колумб и открытие Нового Света. Открытие морского пути в Индию в оценках современников и позднейших авторов. Тордесильяский договор. Путешествие Магеллана и его значение.	
Очерк второй	41
Торговая конкуренция Испании и Португалии. Продвижение конкистадоров в Новом Свете. Завоевание Мексики и Перу испанцами и Бразилии португальцами. Влияние колонизации на экономику Испании. Причины падения колониального могущества Португалии. Критика защитников системы колонизаторов XVI в. Разоблачения Лас-Касаса. Приток драгоценных металлов в Европу и «революция цен».	
Очерк третий	70
Португальская торговля и арабская конкуренция в Индии. Причины кратковременности португальского владычества в Индии. Социальный состав и хозяйство испанских колонистов. Экономические преимущества испанской колонизации в сравнении с португальской. Значение лиссабонского рынка с начала XVI до начала XVIII в. Торжество и падение испанской торговой монополии. Революция в Нидерландах. Вступление Голландии в борьбу за колонии.	
Очерк четвертый	98
«Северные народы» с конца XV до середины XVI столетия. Поиски самостоятельного пути в Индию вдоль Северо-Американского континента. Путешествия Джованни и Себастьяна Каботов. Поиски морского пути в Китай вокруг Сибири. Возникновение русско-английской торговли. Результаты этой торговли и ее место в истории России и западноевропейских капиталистических государств. Морские пираты в Средиземном море и Атлантическом океане как фактор борьбы против монополии пиренейских государств.	

Очерк пятый	122
Возникновение английской колониальной политики. Экспедиция в Северную Америку. Деятельность каперов. Борьба голландцев против англичан в Индонезии. Избиение на острове Амбоина и его последствия. Флибустьеры и борьба против испано-португальского колониального владычества.	
Очерк шестой.....	145
Основы внутренней и внешней политики Англии XVII в. Английская Ост-Индская торговая компания. Начало науки международного права и англо-голландская полемика. Абсолютизм против парламента. Развитие армии и флота с точки зрения королевской власти и с точки зрения колониальной политики. Диктатура Кромвеля и его характеристика. Ирландское восстание. Навигационные акты и их последствия.	
Очерк седьмой	175
Первые шаги французской колониальной политики. Открытие и эксплуатация Ньюфаундленда и Канады. Антильский архипелаг. Захваты французов на Малых Антильских островах.	
Очерк восьмой	198
Работоторговля и плантации на Антильских островах. Первые сношения французов с Центральной и Северной Африкой. Войны Людовика XIV. Французы в Индии и на путях в Индию.	
Очерк девятый	223
Классовая борьба в Англии и переселение в Америку. Отношение колонистов к метрополии. Конфедерация Новой Англии. Индейские племена и голландские колонисты. Захват территории Нового Амстердама. Луизиана. Аграрный вопрос.	
Очерк десятый	256
Захваты Англии в Вест-Индии. Классовый состав переселенцев. Колонизация и рабовладельчество. Противоречия интересов английских плантаторов и промышленников. Голландские и французские предшественники англичан в Африке. Борьба буров против африканских народов. Начало английской колонизации в Южной Африке.	
Очерк одиннадцатый	278
Американские колонии в последней четверти XVII и первой половине XVIII в. Потеря Канады французами и значение этого факта для североамериканских колоний. Взрыв революции в Северной Америке. Вмешательство французов. Поражение англичан в Америке и их победы в Индии.	
Очерк двенадцатый	309
Первые путешественники в Индии. Социально-экономический строй империи Великого Могола. Характеристика ее в описаниях современников и позднейших исследователей. Индийская	

община. Промышленность. Англичане в Индии. Английская
Ост-Индская компания.

Очерк тринадцатый.....331

От распада империи Великого Могола до перемирия Англии и Франции в 1763 г. Первая стадия англо-французской борьбы за Индию. Жозеф Дюплекс и лорд Клайв. Англичане и французы в Индии в годы североамериканской революции. Английский промышленный капитал и конец Ост-Индской компании.

Очерк четырнадцатый358

Новые большие путешествия XVII и XVIII вв. Их причины и следствия. Открытие Австралии. Тасман, Кук. Первые попытки колонизации Австралии. Обследование Северной Америки и Азии и кругосветные путешествия. Беринг, Бутенвиль, Лаперуз, Крузенштерн.

Очерк пятнадцатый.....373

Французские колонии и вопрос о работорговле накануне революции. Плантаторы и рабы в эпоху революции. Законодательные собрания эпохи революции и вопрос о рабстве. Восстание Туссена-Лувертюра на острове Сан-Доминго. Новая французская буржуазия и ее колониальная политика. Поход генерала Бонапарта в Египет. Наполеон и его тактика в борьбе с Англией. Континентальная блокада и сокращение импорта в Европу.

Заключение.....415

Введение

Предлагаемая работа рассчитана главным образом на тех, кто хотел бы ознакомиться с основными фактами истории колониальной политики западноевропейских держав в эпоху первоначального накопления, а также в начальный период нового времени.

Интересующий нас отрезок времени начинается с поисков морского пути в Индию, с так называемой эпохи великих географических открытий, т. е. с конца XV столетия, и продолжается до начала XIX столетия.

Внешними хронологическими вехами начала и конца этого периода можно (условно, как и всегда в подобных случаях хронологических «уточнений») принять год открытия Америки — 1492-й, и год подписания актов Венского конгресса, установивших надолго перераспределение колоний между европейскими державами, — 1815-й.

Краткий обзор развития и упадка торговли Восточного Средиземноморья дан только как введение к нашей теме для характеристики исторической обстановки, обусловившей поиски новых путей, а то, что называется в историографии «колониями» Венеции и Генуи в XIII—XV вв., выпадает из содержания этих очерков.

Точно так же выпадают, конечно, история и этнография тех народов Америки, Азии и Африки, которые подверглись хищническому нападению и планомерному ограблению со стороны европейского торгового капитала в указанный период. Я касаюсь этого вопроса лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания колониальной политики европейских держав. История же и этнография этих народов, зависимых и полузависимых, угнетенных и долгие столетия ждавших (и еще ждущих) освобождения, вовсе не исчерпываются, конечно, теми фактами, которые относятся только к их борьбе с европейскими угнетателями.

Но это особая тема, для которой нужна и особая монографическая литература, как и для истории колониальной политики европейских держав. Такое направление исследований вполне законно и обоснованно и поэтому может быть проводимо в научной литературе. Параллельно идущие исследования будут необычайно расширять кругозор в области исторической науки, которая в наши дни приобретает не отвлеченный, но жгучий, злободневный политический интерес.

Классики марксизма-ленинизма никогда не переставали живейшим образом интересоваться историей колоний и колониальной политики, и в своей библиографии я указываю на те их работы, в которых начинающий заниматься историей колониальной политики найдет нужную теоретическую опору и методологические установки. Понятно, что они интересовались больше всего периодом владычества финансового капитала, эрой, как ее называл Ленин, «...обостренной борьбы за раздел и за передел мира» европейцами и американцами. Эпоха, которой посвящены эти мои очерки, привлекала к себе внимание классиков марксизма-ленинизма меньше, чем времена финансового капитализма, и меньше, чем времена капитализма промышленного. Но они и ее не оставляли, конечно, без анализа. В данном случае, разумеется, приступающий к изучению колониальной политики XVI—XVIII вв. прежде всего должен будет припомнить классическую 24-ю главу I тома «Капитала» Маркса, дающую так много для понимания той общей социально-экономической почвы, которая сделала и возможной и неизбежной европейскую колониальную политику XVI и следующих веков.

И очень бы хотелось, чтобы начинающие историки, припомнив и перечтя эту главу «Капитала», сказали себе, что чтить память Маркса должно в данном случае путем самостоятельного исследования того фактического материала, того сплошного реального комментария к 24-й главе «Капитала» Маркса, которым является по существу старая колониальная история европейских держав.

Наша работа имеет своей целью показать историю ранних этапов колониальной экспансии, наметить главные вехи, которые помогли бы начинающему историку установить план своих более специальных изучений и изысканий в области колониальной истории в эпоху от конца XV до начала XIX в., до той эпохи, когда промышленный капитал стал превращаться в основную экономическую силу мировой истории.

В библиографии (см. сноски. — *Прим. изд.*) я даю только некоторые из тех источников и той научной литературы, которые могут быть полезными при начале научной работы над историей колониальной политики европейских держав.

Очерк первый

Целевая установка. Возникновение колониальной политики. Переход к товарному производству. Возвышение Венеции и всего Восточного Средиземноморья. Наступление турок-османов. Экономические причины крестовых походов. Их результаты. Поиски морского пути в Индию. Экспедиции вдоль Западно-Африканского побережья. Колумб и открытие Нового Света. Открытие морского пути в Индию в оценках современников и позднейших авторов. Тордесильяский договор. Путешествие Магеллана и его значение.

Охватить всеобщую историю за несколько веков можно, конечно, только придерживаясь строго определенных рамок. Включив в историю колониальной политики европейских стран описание того, как сами жители слаборазвитых стран, подавленные эксплуатацией, переживали вторжение чужеземцев, мы как бы поставили перед собой непосильную задачу. О целых столетиях борьбы, которая велась против европейских захватчиков, мы знаем лишь от них самих или от представителей их идеологии, иначе говоря, мы до сих пор находим в летописях и литературе отражение этой борьбы как бы в кривом зеркале: эксплуататор, который появлялся из-за океана с целью грабежа, сам же и описывал, как реагировали на его грабежи те, кого он грабил. В таком состоянии находится история не только миллионов американских индейцев и африканских народов, но также и таких народов, как индийцы, подчиненных в течение двух столетий власти европейского капитала. Со времени мировой войны 1914—1918 гг. под влиянием возросшего индийского национально-освободительного движения ряд индийских историков предпринял первые попытки самим выявить и самостоятельно истолковать прошлое своей страны. Но зачастую и сейчас еще для характеристики истории национальных движений и восстаний против португальцев, французов и англичан в XVI и XVII вв. им приходится прибегать к явно пристрастным и искаженным португальским, французским и английским источникам, потому что по большинству вопросов индийских источников не имеется вовсе. Найти и использовать то, что еще лежит нетронутым на полках национальных библиотек, — дело будущих историков, археологов и лингвистов, возвращенных освободившимися народами.

Хронологически намеченный нами план составлен с учетом того, что если о колониальной истории XIX и XX вв. в нашей доре-

волюционной и особенно послереволюционной литературе, а также и за рубежом кое-что писалось, то анализ колониальной политики предшествующих веков, и в первую очередь направляющих ее экономических факторов, чрезвычайно мало разработан.

Обстоятельное изложение своей темы я поведу с XV столетия, с начала так называемых великих географических открытий, с рассмотрения того, какие требования были тогда поставлены социально-экономическими условиями того времени и какими путями европейские государства добивались их реализации.

Считая вместе с тем необходимым объяснить, почему эти требования вытекали из настоятельной потребности данного исторического момента, я даю краткий обзор причин, обусловивших ее.

Еще с середины XI в. европейские летописцы-монахи (единственное тогда грамотное сословие) отмечают, некоторые с тревогой, другие с недоумением, что все проезжие дороги, в особенности во Франции, Германии, Северной Италии и Англии, сплошь и рядом небезопасны: по ним беспрерывно движутся массы сомнительных бродяг. Из них кто занимается открытым грабежом, кто живет на подачки, кто навязывается на работу за кусок хлеба. Иногда идут кучками, иногда собираются толпами в несколько сот человек, окружают монастыри, кричат с угрозами, что богоугодные заведения обязаны кормить их, голодных. Летописцы понимают, что эти люди, видно, оказались лишними у себя, что их выбросила на улицу нужда. Но обобщить причину этого явления они неспособны.

Речь шла о начале отделения ремесла от сельского хозяйства и первых шагах товарного производства, о постепенном отмирании натурального хозяйства, при котором производительные силы развивались крайне медленно.

Конец периода раннего средневековья с его натуральным хозяйством и был временем острых социально-экономических противоречий. Земельные разделы, связанные с ростом населения, систематические неурожаи и голодовки, непосильные повинности и поборы выталкивали из деревни все больше и больше крестьян. И в городах, только еще зарождавшихся, большинство их, естественно, не находило себе места. Городское производство в средневековом городе было рассчитано на ограниченный внутренний рынок; к тому же власть натурального хозяйства оставалась настолько живучей, что спрос на рабочие руки был несравненно меньше предложения, а юридические рогатки, препятствующие вступлению в ремесленные цехи, которые всегда ломаются при решительном напоре экономических сил, тогда оказывались непреодолимыми. Не было никакой организации, ничего, что могло бы собрать выброшенных из своей колеи крестьян и дать им определенное направление. Бродяжничество развивалось неизбежно и стихийно. Скопление бродяг являлось грозным показателем недовольства, ропота и отчаяния.

Подобные настроения, а в связи с ними поиски новых земель, распространялись, помимо крестьянства, также и среди определенной части дворянства. Принцип майората, согласно которому поместья передавались по наследству от отца старшему сыну, оставлял всех младших дворянских сыновей обездоленными. Основным средством производства и тогда и в ближайшие последующие века оставалась земля; движимый капитал играл в сравнении с ней лишь второстепенную роль.

Между тем и купечество находилось в затруднительном положении. В некоторых государствах Европы именно самые богатые купцы были издавна заинтересованы торговлей не только внутренней, но и внешней — вывозом из Индии, как тогда было принято называть почти всю Юго-Восточную Азию, редких и дорогих восточных товаров. Хотя эта торговля пребывала в зародышевом состоянии и предназначалась для обслуживания узкого круга состоятельной клиентуры, она обогащала североитальянские, южнофранцузские и восточноиспанские порты, да в той или иной мере все города Средиземноморского побережья. Правда, транспортировка товаров и перекупка их при переходе из рук в руки сильно сказывались на продажных ценах, но все расходы ложились на покупателей, а коммерсанты окупали их с лихвой.

Так складывались обстоятельства, когда как раз к концу XII столетия от купцов, возвращавшихся с Востока, и от паломников, побывавших в Иерусалиме, стали поступать слухи об идущем оттуда неизвестном племени сельджуков. Рассказывали, что они покорили арабов, до тех пор владевших и Малой Азией, и Сирией, и Палестиной, и Северной Африкой, и что нынешние их правители относятся враждебно к купцам из Европы, убивают их или взыскивают с них за право торговли такие чудовищные подати, которые выдерживать невозможно. Жалобы на сельджуков падали на благодарную почву. Слушая их, обнищавшее крестьянство мечтало в борьбе с насильниками отвоевать себе землю.

Тогда в Европе началось бурное движение, которое вошло в историю под названием крестовых походов. Оно возникло под лозунгом «освобождения от неверных “гроба господня”, “святой земли”». Лозунг был брошен папством. Эта мощная организация, пустившая глубокие корни в социальные прослойки и общественные течения средневековья, учла, что феодальный строй привел большую часть населения европейских государств в тупик, наметила из него выход и к тому же использовала этот выход для прославления католицизма.

Историография духовно-феодалная, а потом несколько отличная от нее дворянско-духовная объясняла неудержимое огромное воодушевление крестоносцев бурным религиозным порывом. В XVIII в. легенды, связанные с крестовыми походами, кристалли-

зовались романтиком историком Мишо¹. Позднейшие буржуазные историки пошли по проторенной дороге, повторяя те же сказки, что и Мишо, хотя и в несколько ином освещении. Только во второй половине XIX в., под влиянием марксизма, стало пересматриваться это совершенно ненаучное воззрение. Оно дает наглядную иллюстрацию смещения содержания и формы при анализе исторических событий. В действительности в основе движения крестоносцев лежали чисто материальные интересы европейских феодалов, рыцарства, жаждавших каких угодно приключений, готовых идти навстречу любым опасностям, лишь бы добыть земли и новые титулы. Значительную роль сыграли купцы, готовые на риск, чтобы возродить выгодную торговлю с Востоком. Организации крестовых походов способствовало и наличие упорных, фанатичных служителей католической церкви при соответствующей пропаганде папства. Крестьянство жаждало найти на Востоке землю и более терпимую жизнь.

Первая волна наступления на «неверных» особенно подчеркивает ее стихийность, полное отсутствие определенного плана и четкой цели: неграмотный монах-проповедник Петр Амьенский, или Пустынник (род. ок. 1050 г.), по-видимому, одаренный талантом психического воздействия на окружающих, увлек за собой, по словам современных хроник, не меньше 100 тыс. крестьян; среди массы этой бедноты упоминаются немцы, французы, англичане, испанцы, итальянцы. Они не имели ясного понятия ни о том, где находится «святая земля», ни о том, как до нее добраться. Известно, что они прошли через Венгрию, северную часть Балканского полуострова, добрались до Малой Азии. Шли безоружные, без карт, без провианта, захватив только то, что было под руками. Это были бездомные крестьяне, которым у себя нечего было терять, все равно их и там ждала голодная смерть. Они мечтали об избавлении от феодального гнета и о земле. Летописцы говорят, что на пути их нередко встречали кольями венгры, болгары или турки и поголовно истребляли; только жалкие остатки крестьян вернулись на родину ни с чем.

В 1095 г. к сбору «святого воинства» в торжественной обстановке Клермонского собора призвал сам папа Урбан II, глава первенствующей в Западной Европе католической церкви. На этот раз пошли на Восток под началом феодальной знати вооруженное рыцарство, облеченное доспехами и сидящее на конях, и их приближенные, связанные со своими господами сложными взаимоотношениями средневекового ленного права. Вдохновляла всю армию та же цель, что и последователей Петра Амьенского, — отвоевание

¹ J. F. Michaud [1767—1839]. 1) *Bibliothèque des Croisades*. Paris, 1829; 2) *Histoire des Croisades*. Paris, 1812—1822. Перевод на русский язык С. А. Клячко (История Крестовых походов, СПб., 1884).

и закрепление за собой земли. Но как организация похода, так и методы достижения цели были более четкими; они привели к победам, в которых ярко выразился сословный характер армии. В Малой Азии были созданы порядки, сходные с порядками феодальной Европы. Захваченные земли разделялись на участки, на которых крестоносцы селились в качестве помещиков. Но положение новоселов оказалось неустойчивым. Сельджуки упорно продолжали свои набеги. Надолго осесть на Востоке крестоносцам не удалось. Не прошло и нескольких десятилетий, как они были вынуждены отступить. Последующие семь походов, несмотря на временные удачи, кончались для крестоносцев поражениями. В 1291 г. войска египетского султана захватили последнюю оставшуюся в руках крестоносцев сирийскую крепость Акру (Сан Жак-д'Акр, по терминологии европейских хроник). Из Иерусалима крестоносцы были изгнаны, а феодальные их имения отняты еще задолго до того.

Характеризуя результаты двухсотлетней борьбы Запада и Востока, историки идеалистической школы утверждали, что она оказала необычайно революционизирующее влияние на европейские умы. В этом они были правы. Их ошибка — в толковании этого влияния. Интересы и запросы европейцев, характеризующие начиная с XIV в. эпоху Возрождения, эти историки объясняли провалом замыслов папского престола, разочарованием в его могуществе, тягой к новым порядкам — все эти факторы в самом деле были налицо, но как факторы сопутствующие, а не основные. Расцвет новых сил, обострение зоркости, внимания, пытливости проявились в результате наблюдений, навыков, опыта и потребностей иного порядка.

В Европе за два века крестовых походов натурально-хозяйственный строй все больше подтачивался и разрушался. Он по-прежнему неспособен был прокормить крестьян и по-прежнему вытеснял людей из деревни. Но городская жизнь развивалась, среди ремесленников, купцов, поселившихся в городах крестьян тем временем происходили глубокие изменения. Города росли вместе с населением, расширялся внутренний рынок, процесс судорожных поисков земли как трофеев дальних походов несколько спадал. Знакомство с сельджуками, арабами, византийцами, постоянное общение с ними за все время почти непрерывных войн заставляли призадуматься и открывали возможность мирных перспектив. Воины-крестоносцы не могли не учесть, что в техническом отношении сельджуки превосходили европейцев. Полчища их были более дисциплинированы и дееспособны. К тому же по прекращении войн они оказались достаточно гибкими, чтобы оценить по достоинству выгоды, которые они могли сами извлечь из торговли. Продолжая властвовать над всеми завоеванными территориями в Малой Азии, в Аравии, в Персии, они согласились на возобновление европейской торговли с Востоком и на расширение ее. Для европейского торго-

вого капитала открылся небывалый простор. Теперь уже не только крупный делец, но и средний купец, включившийся в торговлю с Востоком, обеспечивал себя за 10—15 лет на всю жизнь. Спрос на ввоз восточных товаров вырос во много раз. Он исходил уже не от узкого аристократического круга. Не только по юридическому положению, но и в бытовом смысле феодалы и те, кто около феодалов кормился, купцы и те, кто кормился около купцов, стали именно тогда резко отделяться от вилланов, от низов крепостной деревни. До крестовых походов быт феодалов очень мало разнился от эксплуатируемых ими слоев. Феодалские замки того времени отнюдь не были похожими на великолепные замки в два и три этажа, которые сохранились от XV и XVI вв. Старые феодалские замки IX и X вв., представляющие собой сейчас уникальные реликвии, уместились бы каждый примерно в одном университетском зале; такой замок был поделен на клетушки, в которых члены семьи феодала спали вповалку на скамьях, покрытых грубыми холстами или грубыми шерстяными тканями; о мягкой мебели, о креслах, диванах, коврах в Европе не имели понятия. Да и жили так только могущественные именитые феодалы, а феодалы попроще, помещики средней руки жили в домишках в 3—4 комнаты, неماзанных, нештукатуренных, с перегородками, не доходившими до потолка, или попросту в курных избах. Когда крестоносцы по пути в Сирию и Палестину стояли в Константинополе и впервые сталкивались с греческим бытом, то, например, зрелище людей, которые едят при помощи ножей и вилок, явилось для них поражающим открытием. Греческие летописцы издевались над тем, что когда за обедом у императора к столу подносили жаркое, весь крестоносный генералитет, герцоги, графы, люди, слывшие у себя на родине подлинными аристократами, отрывали лакомые куски и клали их в рот руками, а вилки и ножи оставляли, чтобы их не запачкать, да по существу и не зная, что с ними делать.

Крестоносцы, как отмечали историки, «привезли восточную роскошь». Будничное питание европейских имущих классов благодаря ввозу перца и многих других пряностей и снадобий стало более разнообразным, одежды стали пестрее и красивее от применения индийских красящих веществ. Больше того, из Индии стали поступать шелковые, хлопчатобумажные ткани и материи, сотканые из шерсти с шелком, — мягкие, изящные, превосходно выкрашенные ткани, а также ряд драгоценных изделий, украшений из золота, серебра, черного дерева и т. д.

Эти факты служат опровержением ошибочного мнения, будто Индия служила поставщиком главным образом сырья. В рассматриваемую эпоху и много позже она была также промышленной державой в гораздо большей степени, чем некоторые страны Европы. Еще в XVIII в. английские купцы умоляли парламент запретить ввоз

индийских тканей из-за невозможности конкурировать с ними. По словам Маркса, изучавшего индийскую экономику, она определялась производством деревенской общины, одного из древнейших социальных учреждений, сведения о котором передаются с незапамятных времен, сохранившегося прочным и незабываемым до XIX в.¹ Община служила отличной почвой для эксплуатации крестьян под властью сначала своих исконных правителей, а затем пришлых. Товары вырабатывались в общинах Индостанского полуострова повсеместно, даже в тех частях его, которые лишь сравнительно недавно были «открыты» благодаря успехам воздухоплавания. Ведь величина Индостана такова примерно, что, если наложить его карту на европейскую, она покроет значительную часть Европы. Изготовленные крестьянами ткани индийские купцы изредка скупали за ничтожные цены у самой общины, а чаще они принимались приказчиком, который от имени сборщиков податей управлял данной деревней. Закупив что им требовалось, индийские купцы либо сами подвозили свое добро к берегу Аравийского моря, а оттуда на лодках в Аравию, или к Персидскому заливу, к устью Тигра и Евфрата, где их в своих фелюгах поджидали приезжие перекупщики, либо, чаще, совершали сделки по перевозке товара с персами и арабами еще в Индии. Арабы хотя и числились хорошими моряками, но, как и индийцы, выходить в открытое море боялись. Они предпочитали плыть вдоль побережья. Берега были мрачны и небезопасны, но переход был сравнительно недолгий, а у традиционных мест встречи европейцы имели большие шансы договориться о следующей сделке с владельцами сухопутных караванов. Караванам предстояло одолеть самую дорогостоящую и тяжелую часть пути. Куда бы ни гнать верблюдов, все равно требовалось проходить по громадной песчаной пустыне. Представление о ее протяжении мы получим, наложив карту Аравийского полуострова на карту западноевропейскую. Первая покрывает вторую.

Наконец, по окончании этого трудоемкого, длительного странствия, до того как товары попадали к голландским, немецким, французским купцам и к потребителям, их, как мы уже отмечали, нередко перехватывали и набивали им цену купцы Средиземноморского побережья, преимущественно восточного.

Партии персидских перекупщиков снова грузили товар и переправляли его или к Черному морю, или большую часть, в Сирию, Палестину, Египет.

Одновременно с персами к берегам Азии подплывали и перехватывали товар и набивали ему цену коммерсанты средиземноморских городов Венеции и Генуи. Они везли добычу к себе на родину, а оттуда — дальше по Рейну, в северогерманские земли, в города ганзейского объединения Бремен, Гамбург, Любек и, наконец,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 134—135.

в Новгород, где шел оживленный обмен восточных товаров на лен, сало, соболя и другие шкурки. Лишь в наше время историческая наука установила, что еще до XI в. и в течение всех крестовых походов, и по окончании их, несмотря на последовавшую в XIII в. договоренность с сельджуками о восстановлении индоевропейской торговли, задолго до распространения в конце XIV в. тревожного слуха о наступлении турок-османов, европейские купцы и особенно представители западного Средиземноморского побережья испанцы жаловались на затруднения, чинимые им не только этими племенами, но и все усиливающейся Венецией. Жаловались, что венецианцы никому не дают житья, не позволяют торговать, убивают всех купцов, пытающихся соревноваться с ними по перекупке индийских товаров на Сирийском побережье.

В городах-республиках Средиземного моря — в Милане, Пизе, Флоренции, процветала промышленность, в Генуе и Венеции на почве посреднической торговли с Индией явное преобладание имел торговый капитал. Раннекапиталистические отношения подорвали феодализм в Италии, в передовых городах которой горожане приобрели почти безграничную власть над феодалами¹. Так было в XIV в., самом блестящем периоде итальянской истории, особенно во Флоренции. Неисчерпаемые же богатства Индии благодаря беспрепятственной торговле с Востоком предоставлялись главным образом Венеции. Венеция успела прежде всех захватить главные позиции торговли с Индией и даже подчинила своему влиянию большую часть посредников: сделки с арабскими купцами зачастую проводились в самой Венеции под контролем и руководством ее правителей. Сила Венеции заключалась в мощи и широком размахе ее торговли. Как поясняет Маркс, на ранних ступенях капиталистического производства торговля имеет преобладание над промышленностью, слабость же Венеции заключалась в ее посреднической роли, что затрудняет развитие капиталистических отношений².

Венеция — город, расположенный на небольших островках, где почти нет улиц, а есть только каналы, город, построенный, можно сказать, на каменных глыбах и на сваях, занимавший в общем пространство, которое можно, пожалуй, сравнить с территорией, равной территории Ленинграда с его предместьями, — представляла собой тогда великую державу, перед которой трепетали монархи крупных европейских государств. Внутреннее управление ее вполне соответствовало ее целям, развитию торгового капитала. Во главе ее стояли купцы-плутократы, выделявшие из своей среды орган деспотической власти Совет Десяти, заседавший в полной тайне, от которого зависели жизнь и смерть любого человека внутри ре-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 365.

² Там же, ч. I, стр. 361.

спублики, направление политики в отношении к любой стране, к любой военной экспедиции. Совет держал в своих руках не только наемных рабочих, но и ремесленников, и всю уже отслаивавшуюся мелкую буржуазию, подкупленную выгодами, перепадавшими ей от деловых связей с купеческой аристократией, от накопленных торговлей с Востоком золотых дукатов и других монет и драгоценных камней. Стремясь к всемирному упрочению своего могущества, торгово-финансовая аристократия города, учитывая, что на небольшом материке, окружающем Венецию, есть крупные феодальные владения с феодальными крестьянами и вооруженными людьми, ставила себе в первую очередь задачу подчинить или захватить их. Мрачные предания о диктатуре олигархии говорят о роковом Мосте Вздохов, недалеко от которого по ночам в канал сбрасывались нежелательные лица, о тюрьмах и подземельях, где политических противников гноили и душили и их трупы кидали в люки. Покорившиеся феодалы перебирались в город, капитал их вливался в капитал республики, свои прежние сословные привилегии они утрачивали и примыкали к купцам — патрициям. А орудием, исполнителем приказов венецианских правителей как во внутренней, так и во внешней политике, объединенных в единой цели охраны и развития индийского импорта, являлись мощные для тогдашних условий, хорошо обученные наемные дружины примерно в 20 тыс. конницы на 2 тыс. пехоты, со знаменитыми кондотьерами во главе и громадным флотом, служившим пугалом для всего Средиземного моря. Аналогичный строй с некоторыми вариантами наблюдался и в других городах-республиках. Во Флоренции после фактического падения республики правителями являлись некоронованные монархи XV века, деятельностью своей напоминавшие древнегреческих тиранов, с той разницей, что выдвигались они соответственно своему богатству: в правители выбирался банкир, который делался повелителем государства, вроде Медичи. В других городах князем провозглашался удачливый кондотьер как вождь, в данный момент полезный в интересах политики.

Еще больше общих черт развития с Венецией проявляла Генуя. Но и эти два главенствующих города-республики хоть и держали друг друга за горло в течение 200 лет, продолжали идти почти вровень и не выходили за пределы игры вничью, пока остальные европейские государства еще не накопили сил, чтобы найти себе выход к торговле с Востоком.

Продвижение османов на Запад и возникновение Турецкой империи было событием такого крупного мирового значения, что оно и до сих пор служит необходимым звеном в изложении как курса всеобщей истории, так и курса истории Европы.

Сейчас мы отметим только те черты их нашествия, которые имеют прямое касательство к данному очерку.

В 1453 г. турки-османы опрокинули прославленную Византийскую империю, просуществовавшую со времени падения Западной Римской империи 1000 лет, и двинулись дальше, с одной стороны — на Балканский полуостров, а с другой, — завоевав Малую Азию и Северную Аравию, прошли в Африку, где захватили целый ряд арабских государств: Египет, Триполитанию, Тунис, Алжир и Марокко, почти нигде не встречая сопротивления. Европа перед турками трепетала. Опасались, что османы из Марокко ворвутся в Испанию по старому пути арабов, которые в VIII столетии бросились на Францию. Теперь, в XV и XVI вв., можно было бояться, что несметные полчища новых врагов сомкнут оба свои крыла в Северной Италии или в Южной Франции и завоюют всю Европу. Эти опасения нельзя объяснять просто паникой.

В Западной Европе о турках до нашего времени писали одинаково много и развязно. Французский поэт Ламартин, автор обширной истории Турции, принятый современниками всерьез как исследователь и много раз цитированный, подлинного Востока совершенно не знал. К тому же и он, и другие европейские историки, говоря о турках, интересовались преимущественно религиозными вопросами, оставляя и политику, и тем более экономику в стороне. Когда же они их касались, то только для того, чтобы с помощью расовой теории оправдать эксплуатацию Востока европейцами.

В XVII—XIX вв. мысль историков, занимавшихся изучением последнего вторжения турок в Европу, формировалась весьма упрощенно. По окончании крестовых походов установились мирные отношения с сельджуками и торговля с Индией была восстановлена. Но новое наступление турок-османов испортило все дело и поставило Европу в безвыходный тупик. Эта схема часто сопровождалась уничтожительной, но односторонней и необидительной характеристикой завоевателей. В действительности османы представляли собой отнюдь не орду дикарей.

Хотя огнестрельное оружие у европейцев только вводилось, турки очень быстро усвоили новую технику, в остальном они во многом превосходили врага. Национальных армий тогда в Европе не существовало, а феодальные государства еще не могли выставить войска, способного противиться грозным наступлениям. Военная организация турок-османов оказалась такой своеобразной и крепкой, а турецкие солдаты представляли собой такой материал, что они сумели удержать за собой большую часть своих приобретений в течение около половины тысячелетия.

Что касается государственного строительства, то вполне понятно, что в этом отношении османы XIV—XV вв. с навыками кочевников-переселенцев обнаружили на первых порах несомненную слабость. Им было важно в первую очередь сохранить завоеванное с помощью оружия и суметь дать отпор в случае неожиданного

контрнаступления, как это было, например, во время взятия Константинополя. А так как все новые земли были теми самыми территориями, по которым проходили караваны, подвергавшиеся нападениям врагов, то последние нашли, что для них проще всего закрыть эти дороги наглухо. Утрату косвенных выгод, которую они могли бы получать как посредники, они компенсировали прямыми выгодами от обложения покоренного населения.

Тупик, в который попали среднеевропейские и западночерноморские государства, угроза экономического краха вследствие полного прекращения их внешней торговли были обусловлены не только монополизацией ее Венецией и Генуей, и не только последующим и одновременным с ней вторжением турок, но совокупностью влияния этих исторических событий на протяжении одного-двух столетий.

Колониальная политика европейских держав начинается со времени двух событий, пережитых человечеством в последнее десятилетие XV в., — с открытия Нового Света в 1492 г. и с открытия непрерывного морского пути из Европы в Индию в 1498 г. Оба эти события были подготовлены долгими попытками, морскими разведками, многочисленными жертвами и неудачами, оба события тесно между собою связаны, так как и открытие Нового Света было совершено в результате путешествия, имевшего прямой, непосредственной и единственной целью открытие морского пути в Индию. Торговля средиземноморского побережья с Востоком, начавшаяся, правда в очень скромных размерах, еще до крестовых походов и очень усилившаяся к концу крестовых походов, отдала в руки итальянских торговых городов — Венеции, Генуи, Пизы, Амальфи — главные выгоды ввоза в Европу товаров, шедших с Востока. В XIV и XV вв. эти города вершили золотые дела, отправляя своих агентов к берегам Сирии, Египта, Малой Азии, в Константинополь и дальше в Черное и Азовское моря, где у итальянцев (главным образом генуэзцев) были налицо свои торговые станции и фактории. Не следует повторять без оговорок обычную фразу школьных учебников, что приход турок-османов и захват ими Малой Азии, Сирии, Египта, всей Северной Африки, а также всего Балканского полуострова с Константинополем включительно отрезал Европу от восточных рынков, откуда прежде получались индийские товары, и тем самым заставил приморские страны искать непосредственного, независимого от турок морского пути в Индию. Этот взгляд, как теперь может считаться доказанным, нуждается в весьма существенных оговорках. Задолго до прихода турок-османов, уже с начала XIV в., Генуя, Венеция, свирепо и беспрестанно враждуя между собой, в то же время если обнаруживали в чем-либо полнейшую солидарность, то именно в стремлении оттеснить купцов и судовладельцев Барселоны, Марселя, Лиссабона и решительно всех купцов вообще,

которые вздумали бы тоже завести торг со странами Леванта (т. е. восточных берегов Средиземного моря).

Ни Франция, ни Испания, ни Португалия, ни Англия просто не могли и думать о торговле с Востоком, потому что могущественные итальянские торговые республики, не колеблясь, всеми средствами, вплоть до открытых нападений на море, мешали этому. Например, еще в эпоху крестовых походов, в 1166 г., большой французский торговый центр Нарбонна принужден был обязаться особым договором перед Генуей не отправлять больше строго определенного ограниченного числа кораблей на восток Средиземного моря, и нарбоннцы хорошо знали, что генуэзцы будут неукоснительно топить их корабли в случае нарушения этого обязательства. Прибавлю к этому, что постепенно Генуя и Венеция (в гораздо меньшей степени Пиза и Милан) стали обнаруживать стремление монополизировать уже не только закупку индийских и вообще восточных товаров в странах Леванта, но и сбыт этих товаров в Средней и Северной Европе, по Рейну, в бассейне Эльбы, в области ганзейской торговли. Эти стремления раздражали среднеевропейское, южнофранцузское, испанское, португальское купечество еще до прихода турок. Но, конечно, приход турок почти наглухо закрыл те пути, по которым индийские товары притекали к восточным берегам Средиземного моря, и это обстоятельство если не создало, то усилило уже давно существовавшее в торговых кругах приатлантических стран стремление найти прямой путь в Индию, что позволило бы, не заботясь ни о генуэзцах, ни о венецианцах, ни о турках и не переплачивая безмерно за индийские товары бесчисленным посредникам, так организовать торговлю, чтобы снаряженный в Лиссабоне или Кадисе корабль мог причалить к берегам Индии и, нагрузившись купленными у индийцев товарами, доставить их прямым ходом в Лиссабон или Кадис.

Поиски нового пути для непосредственной связи с Индией явились последствием создавшегося экономического положения. Было известно, что из всех европейских народов того времени наиболее культурными были итальянцы. И старое наследие великой древней цивилизации, и блистательнейшая эпоха возрождения наук и искусств, и гибкость ума, уже выработанная старой культурой, делали их, казалось бы, наиболее приспособленными к постановке и выполнению новых задач. Но то, что эти новые задачи были решены не ими, а другими народами, объясняется тем, что на следующей ступени развития Европы победили вовсе не расовые особенности, которые подчеркивали историки-идеалисты, не воинственность османов и не таланты итальянцев, а неуклонно растущие социально-экономические потребности среднеевропейских и средиземноморских государств и порождаемые ими поиски новых торговых путей и новых стран, богатых драгоценными металлами.

Для изучения истории поисков морского пути в Индию необходимо проследить, как экономические нужды толкали европейцев, соответствующих представителей общественных слоев, к выполнению этого в высшей степени трудного и неотложного дела, когда ни маршрута, ни плана, ни кадров, ни денег, казалось, не было налицо.

Всегда бывает, когда какая-нибудь экономическая задача, выражающая гнетущую потребность, объединяет общества и народы, тогда все силы этих стран, вся наука, вся интеллигенция начинают напрягать мысль в направлении, нужном для ее разрешения. На первый план выдвигаются те науки, которые могут как-нибудь помочь найти нужные ответы. География, до тех пор питавшая Европу архаическими, тысячелетней давности картами Птолемея, стала самой модной наукой. Было известно, что между Средиземным морем и Красным морем тянется узенькая полоска земли. Бесплодно толкались в этот перешеек, думая, что стоит найти из него выход и новый путь в Индию будет открыт. Другими словами, в XV в. искали тот самый Суэцкий канал, который был прорыт только в 1869 г. Отчаявшись выполнить эту задачу, принялись за другую: стали пытаться обогнуть Африку не с востока, а идя из Средиземного моря на запад; о целом континенте, расположенном между Атлантическим океаном и другим, также неизвестным тогда Тихим океаном, понятия не имели. Обогнуть Африку требовалось для того, чтобы тут же, без дальнейших барьеров, попасть в Индию. Взялись за такую экспедицию нации, населяющие именно приокеанское побережье, — Испания и Португалия.

По инициативе предприимчивого португальского принца Генриха, прозванного Мореплавателем (1394—1460), отправлена была первая экспедиция для изучения западноафриканского побережья. Около основанного Генрихом мореходного училища собиралась молодежь, полная предприимчивости и энтузиазма. Вслед за первой экспедицией смелые мореплаватели проникали все дальше и дальше к югу Атлантического океана. Целые поколения мореходов шли вдоль западного африканского побережья, заходили в каждую впадающую в океан реку все с той же надеждой пересечь Африку, которую они представили себе узкой полоской вроде того же Суэцкого перешейка, через какой-нибудь морской пролив, который приведет их в Индийский океан.

Уходили флотилии из трех-четырех кораблей, и если два из них возвращались на родину, то результаты плавания считали хорошими. Хотя они шли вдоль берега, но в тогдашних условиях и такое плавание уносило много жертв, ибо опасность ожидала путешественников отовсюду. Такие попытки продолжались лет сорок, пока одним счастливым не удалось обогнуть выдающуюся часть земли (мыс Балдор, теперешний Могадор). Вот главные даты зна-

менательных упорных попыток португальских мореходов добиться намеченной цели: в 1445 г. они уже обогнули устье Сенегала и открыли дальше к югу Зеленый Мыс; в 1446 г. был достигнут берег Сиера Леоне; в 1449 г. — острова Зеленого мыса, а затем и Золотой Берег. Ликование было большое, но оно быстро сменилось полным отчаянием. Направляясь от Гвинейского залива к востоку, моряки вдруг наткнулись на тот крутой изгиб материка к югу, который идет к Золотому Берегу. Африка не кончалась. Значит, море, охватывающее Индию, на веки вечные отрезано от других морей, потому что стена африканского материка безнадежно запирает путь к ней. После этого разочарования большинство попыток идти дальше было заброшено.

Но в 1471 г. добрались до мыса Лопеса, почти на экваторе; в 1485 г., через 25 лет после смерти Генриха Мореплавателя, его племянник король Иоанн II послал новую экспедицию под начальством капитана Диего Као, который открыл берег и устье р. Конго, а в 1487 г. Бартоломеу Диас добился, наконец, того, что так долго не давалось ни одной из предшествующих экспедиций. Он достиг крайней южной оконечности Африки — мыса, названного им мысом Мучений. Ни он, ни его современники не знали, что они наткнулись на ту самую географическую точку, которую европейцы искали столетиями и впоследствии переименовали в мыс Доброй Надежды — надежды доплыть до Индии. Экспедиция вернулась в Португалию, не использовав своей славной победы. Но самая ткань событий, развернувшихся вокруг вопроса о прямом пути в Индию, все ошибки и представления о размерах и положении Африки явились прямым толчком к открытию неведомого континента.

Мысль о том, что можно открыть морской путь в Индию, направляясь не на восток, а на запад, возникла еще задолго до путешествия Диаса, тогда, когда бесконечно тянувшийся к югу западный берег африканского материка, казалось, навсегда заграждал мореплавателям путь в Индийский океан. Смутные, научно еще не доказанные догадки и гипотезы о шарообразности земли уже бродили (в Италии) в умах некоторых географов и не могли не казаться соблазнительными для моряков, все более и более отчаявшихся в возможности обогнуть, наконец, Африку. Но география как наука, без применения которой, по нашим понятиям, нельзя, отправляясь в экспедицию, ступить ни шагу, находилась в состоянии младенчества. И ученые-географы, и невежественные моряки XV в. одинаково не имели даже и приблизительного представления об истинных размерах земли и полагали, что если земля действительно круглая, то вожденная Индия должна находиться от Испании или Португалии довольно близко, примерно в нескольких неделях морского пути парусного корабля, если идти прямо от Иберийского полуострова.

Из скандинавских преданий, из легенд, передававшихся в устной традиции от одних моряков к другим, знали или подозревали не только что за Атлантическим океаном лежит какая-то неведомая земля, но что европейцы (именно скандинавы) уже успели там побывать, хоть это и было очень давно, чуть не за полтысячелетия до португальских и испанских путешествий XV в. Этими гипотезами о шарообразности земли, этими фантастическими понятиями о небольших размерах земного шара, этими преданиями о неведомой земле на западе Атлантического океана были с конца 70-х годов XV в. охвачены все передовые люди Португалии и Испании.

Эти идеи овладели всецело умом и волей первого человека, решившего искать Индию не на востоке, а на западе.

Как это ни странно, но о Христофоре Колумбе, одном из наиболее знаменитых деятелей своего времени, сохранилось очень мало биографических сведений. По имени он известен всякому сколько-нибудь грамотному человеку на всем земном шаре, но кто он был такой, откуда явился, чем занимался в ранней молодости, еще до того как им овладела упорная, доходившая чуть не до мономании мысль об открытии новых стран, об этом до сих пор ведутся споры и высказываются гипотезы.

Даже происхождение, место и год рождения «странного проходимца», как его якобы характеризовали в молодости приютившие его монахи, точно не установлены. Он родился в пределах Генуэзской республики, на севере Италии, но неизвестно даже, в самой ли Генуе или в другом городе или деревне этой торговой республики. Он скрывал даже от своего сына, написавшего впоследствии его биографию, чем занимались его родители и что делал он сам в молодости. Историки города Генуи, нашедшие в генуэзских архивах некоторые документы, в которых упоминается, впрочем, распространенная фамилия Колумб, твердо стоят на том, что эти документы относятся именно к семье великого мореплавателя и что он родился в 1451 г. в семье ткача. Кроме догадок и позднейших легенд, ничего не известно о нем вплоть до 1476 г., когда он, плывя на одном торговом судне в Англию, потерпел крушение у берегов Португалии и очутился в совсем чужом ему городе Лиссабоне, откуда потом все-таки съездил в Англию и вернулся в Лиссабон, где и устроился на жительство, женился и вскоре потерял жену. Его тесть оказался старым моряком, вышедшим из той школы мореходов, которая создавалась еще вокруг Генриха Мореплавателя. Уже с конца 70-х годов XV в. у Колумба возникает мысль о том, что искать путь в Индию можно и должно не огибая Африку, как это стремились до тех пор делать целые поколения мореходов, а держа путь на запад и что, переплыв океан, можно очутиться у берегов Восточной Азии. Ближайшей же целью Колумба было открыть таинственную Антилию, остров или группу островов, о существовании которых доходили

упорные слухи уже с середины XV в. Один мореход (Санхен) уверял Колумба, что он лично побывал уже на этих далеко к западу лежащих островах.

Может показаться непонятным, почему Колумба тогда не предали сожжению за многократные утверждения, что земля круглая, или не заставили, как Галилея, отречься от своих убеждений. Мало того, почему монархи и Ватикан нашли полезным не только выслушивать Колумба, но и построить на основе его предложений целую политическую теорию.

На этот вопрос надо дать ответ. Дело в том, что в XV в. папская курия не боялась за свое владычество, поскольку научные споры распространялись лишь в высоких кругах общества; часть духовного сословия не прочь была полиберальничать, выражая интерес и сочувствие к новым теориям. Раз при папе Льве X велись диспуты о бессмертии души, то настаивать на собственном научном убеждении было не страшно, особенно при соизволении короля, материально заинтересованного и находившего нужным в данном случае умерять излишнюю ревность инквизиции в защиту того, в ком он усматривал подходящего агента. Когда же в XVI в. грянула протестантская реформация, движение гораздо менее скептическое и менее освободительное, но направленное против католицизма и связанной с ним власти абсолютизма, охватившее широкие народные массы и оторвавшее от католицизма североевропейские государства, только тогда папство обратилось к свирепейшей реакции и прекратило потворство всем либеральным учениям, которые подтачивали Библию. Выступи Колумб не в 1470, а в 1570 г., он бы, конечно, погиб или подвергся преследованиям со стороны церковников, хотя о шарообразности земли известно было в Европе с античных времен и многие европейские ученые разделяли это убеждение.

Было еще одно обстоятельство, которое его ограждало. Свое предложение он сначала внес в Португалии, затем, через своего брата Бартоломеу, во Франции, но и тут и там оно рассматривалось не как ересь, а как бред сумасшедшего или в лучшем случае вздорная фантазия и попросту отвергалось. В общем поиски правительственной или частной поддержки длились около 12 лет. Колумб был более удачлив в Испании, куда обратился в последнюю очередь. Испанские монархи Фердинанд и Изабелла, типичные правители своей эпохи, были готовы поддержать прерогативы королевской власти деньгами ради взаимно выгодных предприятий. На практике Фердинанд проводил политику, породившую лет 30 спустя теорию Макиавелли: «Хорош тот, кто хорош интеллектуально, а не морально». Он не только сознательно покровительствовал банкирам, торговцам и начинающейся промышленности, но участвовал как акционер во многих компаниях. После долгих переговоров с Ко-

лумбом он учел, что как бы ни было рискованно отпускать средства на неслыханную экспедицию на запад от Африки, в открытое море, которое должно якобы привести на восток, в Индию, необходимые суммы в сущности так ничтожны по сравнению с обещанными результатами, что надо цепляться за малейшие планы победы. Заинтересованность Фердинанда объяснялась также опасениями соперничества Португалии и ее успехов в области мореплавания. В разгар сомнений относительно проектов Колумба, в 1487 г., пришла весть, что Бартоломеу Диас обогнул мыс Доброй Надежды. Надо было топиться.

В идеалистической историографии, склонной признавать руководящую роль героев во всем историческом процессе, долго держалась красивая романтическая легенда — известный канон о гениальном, почти ясновидящем Колумбе, которого озарило внезапное прозрение и который, всеми гонимый, голодный, в лохмотьях, преследуемый насмешками и непониманием, добывается судов и людей для путешествия, в ореоле великого страдальца за идею, героя духа, фанатика новой научной мысли. Особенно способствовали распространению таких взглядов мастера романтической школы Шатобриан, Гейне. Последний называл Колумба гением, благодетелем, «удлинившим цепь, сковывающую человечество», великим бескорыстным идеалистом и негодовал на историков, которые рядом с Колумбом вписали «имя наглое Кортеса». Теперь ни более реалистический и научный подход к историческим событиям, ни более глубокое и обстоятельное изучение материалов уже не позволяют повторять эти искажающие историческую истину красивые вымыслы. Мы знаем, конечно, что Колумб был человеком большой и упорной мысли, воли и смелости, но также и то, что вера в предстоящие свои открытия переплеталась у него с непосредственной алчностью. По своим устремлениям и задаткам он был ближе к Кортесу и другим «конкистадорам» (завоевателям), чем это казалось поэтам. Колумб жил и действовал в эпоху первоначального накопления, когда сама обстановка создала человека, искавшего новых путей, рвавшегося к новым победам, смелого, предприимчивого, полного жажды жизни и уверенности в будущем. И сам он по личным целям был человеком своего времени: он мечтал о богатстве, о золоте, валяющемся под ногами, о том, что он будет в этих новых волшебных странах наместником короля, «великим адмиралом» западного океана и т. д. Он долго, ожесточенно, люто торговался по поводу всех этих будущих своих прав и привилегий, затягивал на целый год подписание договора с казной, жаловался, настаивал на все новых привилегиях для себя. Дело едва не сорвалось из-за слишком уж неумеренных претензий Колумба на будущие доходы и богатства и неясностей тех доводов, которые он приводил в доказательство своих предположений. Он было уже оставил королевскую резиденцию и поплел-

ся искать счастья по дороге в Кордову, когда его догнал верховой гонец и вернул к королеве. Изабелла согласилась. 17 апреля 1492 г. был подписан договор между королем Фердинандом и королевой Изабеллой, с одной стороны, и Христофором Колумбом — с другой. По этому договору король и королева делали Колумба наследственным «адмиралом и вице-королем» всех земель, которые он откроет в будущем, ему навсегда гарантировали 1/10 всех будущих доходов с этих земель, 1/8 всех доходов всякой будущей торговой экспедиции, которая будет послана кем бы то ни было в эти новые страны. Королевским указом от 30 апреля того же года портовому городу Палосу было приказано дать в распоряжение Колумба два корабля (спустя некоторое время дали еще один). Уже раньше Колумб завязал в Палосе связи с очень известными там опытными и искусными мореходами тремя братьями Пинсонами. Они приняли деятельнейшее участие в снаряжении экспедиции и в подборе экипажа. В июле 1492 г. все три каравеллы («Санта Мария» под начальством самого Колумба, «Пинта» и «Нинья» под начальством братьев Пинсонов) были вполне готовы. На всех трех судах было 90 человек матросов и боцманов. Это были матросы, которых наняли Пинсоны, как обыкновенно нанимали матросов в те времена, и легенда, по которой будто бы матросами в распоряжение Колумба были предоставлены преступники из тюрем или отпущенные на волю каторжники, возникла в буржуазной историографии и служила только возвышению самого вождя. Конечно, следует предположить, что все эти люди были неробкого десятка. За все время, что себя помнит человечество, не приходилось предпринимать подобное плавание в неизвестную водную пустыню. Ведь даже самые далекие путешествия XV в. с целью найти морской путь в Индию (о более ранних нечего и говорить) были путешествиями по существу каботажными вдоль западного берега Африки. Тут же приходилось готовиться к плаванью на долгие месяцы, с перспективой длительное время ничего не видеть, кроме воды и неба.

3 августа 1492 г., в 8 часов, в присутствии толпы обывателей города Палоса, собравшихся на берегу, Христофор Колумб отдал приказ отчаливать. Началось самое удивительное по своим конечным результатам путешествие, какое когда-либо совершали люди от начала своей истории.

Единственную остановку, очень продолжительную (три недели), Колумб сделал на Канарских островах, где чинили руль «Ниньи» и поставили другие паруса. 6 сентября отплыли от Канарских островов и направились в неведомый океан.

На карте, служившей Колумбу, нет ничего хотя бы отдаленно похожего на конфигурацию земного шара. Хранил он двадцатилетней давности письмо географа Тосканелли, в котором повторялись предположение об округлости земли и замечание о летописце XI в.

Адаме Бременском, который рассказывал, что какие-то исландские рыбаки, отнесенные ветром на запад, приплыли к земле, откуда выбегали красные люди с перьями.

Счастье благоприятствовало Колумбу. Погода по большей части держалась великолепная. Но неделя шла за неделей, кроме воды и неба, ничего не было видно. Настроение матросов становилось все беспокойнее с каждым днем, и если дело не дошло до открытого бунта, то, вероятно, вследствие сознания, что без капитанов обратно кораблей не довести, а также вследствие того, что Колумб успел внушить им надежду на скорый конец пути и они каждый день ждали развязки. 6 октября матросы каравеллы «Санта Мария» объявили Колумбу, что они боятся идти дальше и требуют возвращения. Колумбу и старшему Пинсону удалось их в тот день успокоить, а на другой день показались птицы. Воскресла надежда на близость земли. В ночь на 11 октября при лунном свете матрос одной из каравелл увидел в отдалении чуть заметную полосу и положил конец начавшейся на трех суденышках морской трагедии криком: «Земля! Земля!».

12 октября 1492 г. Колумб высадился на землю и развернул морской флаг на острове, который был назван Колумбом Сан-Сальвадор (у местных жителей он назывался Гванагани). Он находится в восточной части Багамских островов, к северу от Кубы, на 24° северной широты. Следует заметить, что до сих пор ведутся споры, какой именно островок этой группы был первым открыт Колумбом.

Уже 28 октября была открыта Куба, огромный плодороднейший остров, неизмеримо превосходивший размерами все десятки островков, с которыми ознакомился Колумб в первые две недели после своего прибытия.

Но мореплаватель был несколько смущен, его раздирали сомнения. Золота у местного населения было мало, страна оказалась населенной бедным диким племенем, а Колумбу казалось, что Куба и есть Япония, которая, как он знал, расположена на островах; ему представлялось, что недалеко от этих островов должен находиться Китай, и когда островитяне объяснили ему, что от Кубы к западу лежит большая земля, он решил, что эта большая земля и есть Азиатский материк.

Вскоре были открыты и соседние острова — Ямайка и Гаити. Вся эта группа была названа сначала Индией, так как Колумбу хотелось верить, что он у берегов Индии; впоследствии, когда истина обнаружилась, острова стали называться Вест-Индскими (западноиндийскими); со второй половины XVI в. острова Куба, Ямайка, Гаити (Сан-Доминго), Пуэрто-Рико чаще всего называются Антильскими островами; Малым Антильским называется архипелаг небольших островков к юго-востоку от этих четырех больших островов. Земли эти были богаты. Мы знаем, что французы, отнявшие впоследствии

у Испании Сан-Доминго, часть Малых Антильских островов (Гваделупу), Мари-Галант, Доминику, Мартинику, англичане, отнявшие у Испании Ямайку, почти все остальные Малые Антильские острова и весь Багамский архипелаг, Соединенные Штаты, отбившие у Испании Кубу и Пуэрто-Рико, не щадили никаких усилий, чтобы вырвать у испанцев эти страны, которые раньше всех других земель Нового Света были открыты Колумбом и объявлены им испанской собственностью. Но это было уже в тот более поздний период европейской колониальной политики, когда постепенно удостоверились, что приходится думать о несколько более замедленном темпе обогащения и что главные сокровища субтропических и тропических стран не столько в их золоте и серебре, сколько в сахарном тростнике, кофе, табаке, хлопке и иных драгоценных продуктах сказочно богатой почвы. Колумб же и его спутники, все продолжавшие бредить о золотых крышах, которыми, по старым сказаниям, покрыты в Китае и Индии дома богатых людей, никаких сокровищ не находили, а вместо золота и алмазов видели бедные шалаши и были разочарованы. Но Колумб ни за что не хотел расстаться со своей мечтой. С островитянами отношения были пока терпимы. Ведь испанских пришельцев было так ничтожно мало (всего 90 человек), что им небезопасно было обнаруживать сразу слишком воинственные и грабительские намерения. Они пока только производили разведку. Что же касается аборигенов, то они не могли при этих первых встречах предвидеть, что это как бы сама смерть высадилась у них и делает первую разведку и что именно тут, на этих островах, будет прежде всего не только провозглашен, но и полностью в какие-нибудь ближайшие 70 лет осуществлен лозунг совершенного истребления всех местных жителей, включая женщин и детей. Этого они, конечно, знать не могли, а пока европейцы их почти не обидели, если не считать, что Колумб обманом увез с собой в Испанию нескольких индейцев, чтобы показать их Фердинанду и Изабелле. Он вернулся из своего первого путешествия в марте 1493 г. и с триумфом был встречен населением и королевским двором. Разочарование было сильно смягчено утверждением Колумба, что он открыл Индию и нужно лишь углубить поиски, чтобы найти и вазы с алмазами, и золотые крыши, и прочие чудеса.

Он немедленно стал собираться в новую экспедицию. Слухи о великом открытии быстро распространились по Испании и по всей Европе, и всюду повторяли ошибку Колумба, всюду говорили о новооткрытом западном пути в Индию. Все расспрашивали с жадностью вернувшихся, осведомлялись о новой поездке.

В свое второе путешествие Колумб отплыл 25 сентября 1493 г. во главе уже целого флота из 17 судов, из которых три было по тому времени крупных; самым большим кораблем был адмиральский, в 1250 т, на котором находился сам Колумб. С Колумбом отправи-

лось на этот раз около полутора тысяч человек. Среди них были и купцы, и земледельцы, и ремесленники, и авантюристы, надеявшиеся поправить в новых странах свои денежные дела. Во главе их Колумб обосновался на двух главнейших островах Антильской группы — Кубе и Гаити (который он назвал Эспаньола) — и за отсутствием золота и драгоценных камней возымел план организовать торговлю рабами, т. е. хватать коренных жителей и отправлять их на продажу в Испанию, а оттуда в обмен получать новые припасы для первого обзаведения. Он лицемерно утверждал при этом, что будет обращать в рабство лишь людоедские племена как бы в наказание и для исправления. Но на самом деле в виде первого опыта велел схватить несколько сот гаитян, которые никогда не были антропофагами, и с женами и детьми отправил их в Европу. Многие перемерли в пути, остальные прибыли, но тоже вскоре погибли почти все: их так и везли по океану в зимнее время полуголыми, в том виде, в каком схватили на их тропической родине.

Насилия испанцев этим не ограничились. Они начали охотиться на местных жителей, как на зверей, убивали и грабили их.

Неорганизованные, плохо вооруженные племена отступали с побережья в глубь островов. Начались эпидемии. В 1495 г. произошло первое восстание коренного населения, быстро и жестоко подавленное Колумбом. Не зная, как избавиться от пришельцев-истребителей, восставшие решили, рискуя самим умереть с голоду, перестать обрабатывать землю. Возник голод, от которого прежде всего тысячами гибли сами индейцы. Лишь весной, в апреле 1496 г., вернулся Колумб из своего второго путешествия. На этот раз его приняли очень холодно. Золота он не привез, а привез несколько новых заразных болезней, истощенные в пути жители тропических островов были негодны к работе и быстро вымирали, лишь немногие уцелевшие были по королевскому приказу возвращены на родину, против Колумба выдвинуты были обвинения со стороны его спутников, которые не могли ему простить несбывшихся пока надежд на быстрое обогащение. Когда Колумб собрался в третье путешествие (в мае 1498 г.), то на этот раз охотников переселиться в западную «Индию» оказалось так мало, что на суда действительно пришлось посадить и только что осужденных, и сидевших в тюрьмах преступников. Это путешествие было еще более несчастным, чем второе. На острове Эспаньола (Гаити) снова вспыхнуло восстание, на этот раз уже среди испанцев, привезенных Колумбом. Началась междоусобица. Колумб и его враги жаловались двору друг на друга. Раздраженные всем этим, а особенно тем, что новые открытия не принесли казне сразу ожидаемого дохода, Фердинанд и Изабелла назначили на остров Эспаньола чрезвычайного уполномоченного в ранге губернатора. Новый властелин, прибыв на место, арестовал Колумба, велел заковать в цепи и отправил под стражей в Испанию,

где его, впрочем, освободили от суда и следствия. Он и еще раз (в четвертый и последний) побывал в Новом Свете: отправился он туда 11 мая 1502 г., а вернулся в ноябре 1504 г. В это путешествие он открыл восточное побережье Американского континента (берег Гондураса). Вскоре после возвращения он скончался, завещав положить на свой гроб цепи, в которых его за несколько лет до смерти привезли из открытого им Нового Света.

С точки зрения исторической подрыв авторитета Колумба, раздражение испанского двора против него, разочарование в тех слоях испанского общества, которые мечтали о быстром обогащении в Индии, помимо вышеизложенных причин, объясняются в большей мере открытиями португальцев, единственных тогда соперников Испании на океанских путях. Скандальная репрессия, которой был подвергнут великий мореплаватель, явилась грубой формой отместки особенно за последний сильный удар, нанесенный Испании блистательным успехом, которого, по непроверенным еще слухам, в эти годы достигла Португалия.

В то самое время, когда Колумб тщательно искал Индию на Антильских островах, Европу облетело известие, что настоящая, уже совсем бесспорная, в самом деле сказочно богатая Индия действительно найдена.

В 1498 г. португалец Васко да Гама, следуя по заброшенному пути Диаса, обогнув мыс Доброй Надежды, взял курс на север, пересек Индийский океан и высадился в Каликуте (Кожикод) — крупном торговом центре юго-западного индийского побережья, завершив славное открытие морского пути в Индию. Но португальцы продолжали беспокоиться об опасности конкуренции Испании и расспрашивали местное население, не опередил ли их Колумб, между тем как Колумб до самой смерти своей 21 мая 1506 г. не знал, что он открыл континент, ничего общего с Индией не имеющий.

Уже при жизни Колумба, как мы видели, в Испании и при дворе, и в торговых кругах имело место некоторое разочарование по поводу экономических результатов его открытий. И верили и не верили, когда он упорно продолжал утверждать, что новооткрытые им страны — это восточные берега Азии и что нужно лишь еще несколько усилий, чтобы добраться, наконец, до возжеленной страны. Но уже вскоре после смерти Колумба окончательно удостоверились, что он открыл какой-то совсем неведомый континент, обладающий, правда, природными богатствами, но нуждающийся в очень большом приложении труда, чтобы начать приносить торговую выгоду. Правда, были уже найдены месторождения золота и серебра и были признаки, что дальше возможны еще гораздо более обильные находки. Но во всяком случае не было и сравнения между этой загадочной страной, самого существования которой никто и не подозревал, и великолепной Индией, открытой португальцами. Как раз в пер-

вые 20 лет XVI в. португальские экспедиции во главе с королевским уполномоченным Альфонсо д'Альбукерке и в первые годы после его смерти захватывали на Индийском побережье то Гоа, то Малакку, о чем сообщал чуть ли не каждый корабль, приходивший в Европу. Приходили все новые и новые радостные известия об открытии островов и островков Индонезии, еще более богатых пряностями, чем сама Индия. В этом свете не приходится удивляться тому, что в Испании испытывали неудовлетворенность открытиями Колумба.

При занятиях историей необходимо избавляться от присущей нашему мышлению слабости, заключающейся в стремлении к модернизации, т. е. к привычке невольно переносить наши современные представления и понятия, с которыми мы сжились, на более раннюю эпоху. Конечно, сейчас нам кажется несколько странным сравнение экономического и политического значения Америки с Индией. Под Америкой мы понимаем огромный континент, по размерам значительно превышающий Европу. Известно, что на этой земле расположены необъятные пространства богатейших государств — Соединенных Штатов Америки, Аргентины, Бразилии, Канады и др.

Сравнение такого комплекса земель и богатства с Индией, которая при всех своих материальных ресурсах, пребывая в течение нескольких столетий в зависимости от колонизаторов, лишь совсем недавно получила возможность рационально их использовать, может, повторяю, в настоящее время показаться странным. Для XX, как и для XIX в., наше недоумение, естественно, правильное, для XVIII в. оно было бы не совсем правильно, а для XVII и XVI вв. — и совсем неправильно. Тогда Индия была много богаче тех земель, которые были открыты к западу от Европы.

Относительная ценность, придаваемая современниками каждому из новых морских путей в отдельности, была ясно выражена в следующем акте. Когда после первого путешествия Колумба в Португалии пришли к заключению, что открытая им Индия во всяком случае не та Индия, которую искали европейские мореплаватели, а какая-то другая страна, гораздо менее богатая, то по настоянию португальского правительства в 1494 г. было заключено соглашение, явившееся одним из стержней дальнейшей дипломатической истории Европы.

По Тордесильяскому договору, заключенному представителями Испании и Португалии и утвержденному римским папой Александром VI Борджа, устанавливался следующий раздел земного шара. Демаркационная линия проходила в Атлантическом океане, к западу от островов Зеленого мыса, по меридиану, на протяжении свыше 200 км, примерно вдоль 50° западной долготы. Если взять линию, отступающую примерно на 30 морских миль к западу от Африки у Зеленого мыса, все дальнейшее на запад, что будет найдено, весь Атлантический океан, все земли, которые уже были открыты —

имелись в виду открытия Колумба — или которые еще не открыты, принадлежат Испании. Все, что будет открыто из неведомых земель к востоку от этой линии, — Португалии. Договор, следовательно, исключал из права владения какие бы то ни было державы, которые могли бы впредь выступить на поприще открытий. И французы, и англичане, и немцы были заранее лишены права владения любыми странами, которые могли быть открыты в будущем.

Мы теперь можем рассматривать этот документ как лишенный какой-либо внутренней убедительности, т. е. как его рассматривал уже в XVI в. французский король Франциск I, заявляя, что раз папа не уполномочен праотцом рода человеческого Адамом распоряжаться земным шаром, то и он, такой же прямой потомок Адама, не считает себя связанным Тордесильясским договором. Эта шутка, конечно, любопытна в том отношении, что она как бы подсказывает постановку вопроса, почему в самом деле данный договор не превратился сразу, как это произошло лишь в конце XVI и в XVII в., в пустейшую бумажку?

В старой историографии и вплоть до XIX в. можно найти (например, у Модеста Лафуэнте¹) утверждение, что авторитет римских пап еще в XVI в. был так могуч, что стоило Александру Борджа поделить землю, чтобы вся христианская Европа ему повиновалась. Такие комментарии вздорны. Ведь речь идет о знаменитом Борджа, прославившемся нарушением чуть ли не всех без исключения статей уголовного уложения. Это он, между прочим, пригласил однажды 11 своих кредиторов на обед, отравил их всех и на этом покончил свои долговые обязательства. Говорить о чувствах благоговения, которые он внушал своей пастве, едва ли состоятельно.

Почему же договор соблюдался? После открытия морского пути в Индию и упадка значения Венеции в нем были заинтересованы обе крупнейшие морские державы — Португалия и Испания. А когда в 1580 г. Филипп II Испанский захватил португальский престол и к нему перешли все португальские колонии, то он и оставался владыкой заокеанских путей до тех пор, пока реальная сила была на его стороне.

Если сформулировать в дипломатических терминах требование, которое европейская экономика выдвигала в XVI в., то можно сказать, что оно состояло в отмене Тордесильясского договора. А так как главный, если не единственный, способ добиться поставленной цели заключался в ниспровержении испанского господства, то к этому и была направлена вся энергия соперников Испании. Борьба продолжалась 100 лет; когда же цель была достигнута и испанское могущество было сломлено Англией, Тордесильясский договор фактически утратил всякую силу задолго до официальной его отмены в 1777 г.

¹ M. Lafuente. Historia general de España. Madrid, 1850—1866.

Анализируя историю колониальной политики в связи с развитием международных отношений, мы определяли предпосылки упорной и сильнейшей конкуренции, возникшей в XV в. между различными странами, в то время как буржуазная идеалистическая историография почти совершенно игнорировала ее экономические истоки.

В действительности экономический интерес стоял здесь на первом месте. Мадрид завидовал Лиссабону, как будто оказывалось, что Тордесильяский договор 1494 г. был выгоднее португальцам, чем испанцам, торговля с индийцами выгоднее, чем овладение землями Нового Света. На некоторое время интерес к Новому Свету поостыл, но когда испанец Бальбоа в 1513 г. перешел через Панамский перешеек и открыл Тихий океан, тогда окончательно сообразили, что земной шар несравненно больше, чем полагал Колумб, и что, разве только переплыв еще и этот совсем никем до той поры не подозревавшийся новый океан, можно добраться до Индии, идя западным путем. Правда, португальцы дошли до нее гораздо более коротким путем, восточным, вдоль Африки. Но значит ли это, что их монополия распространяется на все пути, ведущие к Индии, и, главное, к богатейшим индонезийским островам? Вопрос приобрел для Испании большое экономическое значение. И тут-то выступил со своим оригинальным предложением Фернандо Магеллан.

Себастьян Кабот, акклиматизировавшийся в Англии итальянец, человек, всей душой переживавший охватившую тогда очень многих деятелей страсть к новым, неизведанным путям, сказал как-то в высшей степени характерные слова «о великом пламени желания совершить что-нибудь замечательное».

Далекие и опасные географические экспедиции финансировались, как правило, осторожными и алчными политиками с холодной головой и холодной душой вроде Фердинанда Католика или Елизаветы Тюдор или столь же сухо и точно высчитывавшими свои прибыли амстердамскими, мадридскими или лиссабонскими банкирами и лавочниками, а пускались в беспредельные океаны и складывали там свои буйные головушки часто люди совсем другого склада, удалцы, в которых не всегда разберешь, что их больше всего привлекало — золота, или опасности, которые нужно преодолеть, чтобы до этого золота добраться, или, помимо золота, жажда все новых и новых впечатлений, или привычка жить не в тех условиях, в каких живут все, а в каких-то вечно новых, вечно меняющихся кадрах непрерывно развертывающейся занимательной сказки, в которую они превратили свою жизнь.

В истории географических открытий поиски пряхностей, стремление добраться до заветных земель, изобилующих экзотическими и вместе с тем реальными богатствами, занимали, как говорилось, очень большое место. Но пряхностями славилась не только Индия, а в еще большей мере Молуккские острова на Тихом океане.

Молуккские острова в старые годы гораздо чаще назывались «островами пряностей». Англичане и теперь чаще всего называют их так (Spice Islands). Действительно, португальцы, впервые их открывшие в 1512 г., были поражены колоссальным количеством пряностей, выращиваемых на Молуккских островах с удобными и многочисленными бухтами, обильной и превосходной питьевой водой, роскошной растительностью.

Пряности в те первые времена проникновения европейцев в тропические и субтропические страны считались, конечно, после драгоценных металлов, самой богатой находкой для купца и морехода в этом новооткрытом мире. И дорогая цена этих пряностей, обусловливаемая огромным спросом на них в Европе, где они раньше были неизвестны, их портативность, что было так важно тогда при скудных размерах торговых кораблей, — все это заставляло искать пряностей почти с таким же жаром, как золотых россыпей или серебряных рудников. Мускус, амбра, перец, кардамон, мускатный цвет и мускатный орех, ваниль, шафран, лавровый лист, имбирь, куркума, корица — все это в самом лучшем качестве и в колоссальном количестве добывалось на Молуккских островах. Тут не было всех сортов перца, например того, который потом, много позже, добывался во Французской Гвиане (кайенский сорт), не было некоторых разновидностей пряной растительной коры, которые найдены были в Индии, но зато были такие сорта других пряностей, которых нигде, кроме как на Молуккских островах, найти было нельзя.

В Португалии, в Испании, во всей Европе именно впервые после открытия Молуккских островов много разговоров было о новом неожиданном богатстве, привалившем португальскому королю и португальскому купечеству. Молуккские острова должны были вознаградить за обманутые надежды на золотые горы. В Испании очень завидовали успеху конкурента. И вдруг молодой испанский король Карл V получает известие, что еще есть такая комбинация, при которой весьма возможно либо отбить вовсе у португальцев их новую драгоценную добычу, либо заставить их поделиться.

Этот план как раз и предложил явившийся из Португалии мореход и офицер, человек из небогатого дворянского рода дон Фернандо Магеллан. Был он тогда уже не так молод, ему шел четвертый десяток, а в те времена век человеческий был в среднем еще короче, чем теперь: отсутствие гигиены, убогое состояние медицины, злоупотребление спиртными напитками — все это приводило к тому, что в 50 лет человек становился стариком, которому жить осталось от 5 до 10 лет. Магеллан в 37 лет считался человеком весьма зрелых лет, а сверх того, за ним числилось несколько громких военных подвигов и отважных морских рейсов. Служил он в Индии под начальством Альбукерке. Изменить португальскому королю и перейти на службу в Испанию побудили его оскорбленное са-

молюбие и неудачи по службе. Выслушаны были его предложения в Испании с полной серьезностью и сразу приняты, хоть держал он речи не весьма обыкновенные. Но после Колумба испанский двор уже по привычке к чудесам, которые иногда получаются из самых сумасбродных проектов. Магеллан предлагал Карлу V в самом деле повторить опыт Колумба — плыть на запад, чтобы прибыть в Индийский океан, к Молуккским островам, не с востока, как явился туда Васко да Гама и следовавшие за ним португальцы, а с запада, как хотел прибыть Колумб. Почему Колумб не попал в Индию и хотя бы к тем же Молуккским островам? Потому, что ему загородил путь новый, огромный, неведомый континент, о котором ни он и никто другой даже не подозревали. Но теперь уже было известно, что за этим неведомым Колумбу океаном, наверное, находится Азия с омывающим ее с юга Индийским океаном и с богатыми и пряными островами в этом океане. Значит, задача Магеллана ставилась так: следует отыскать морской проход, через который можно было бы проникнуть из Атлантического океана в тот другой океан, который омывает новооткрытый континент с запада, и потом продолжать плыть все дальше и дальше в западном направлении. Короля Карла V (и испанский торговый мир) пленила больше всего надежда, что если испанские корабли подойдут к Молуккским островам с запада, то прежде всего можно будет истолковать в выгодную для Испании сторону смысл той демаркационной линии, которую установил, как сказано, в 1494 г. папа Александр VI: запад — испанцам, восток — португальцам, так в просторечье охарактеризована эта демаркационная линия. Ведь как считать Молуккские острова? Если плыть из Европы на восток, как шли Васко да Гама и Альбукерке, то Молуккский архипелаг окажется крайним востоком. Но если отправиться из Европы на запад, как предлагал Магеллан, то не окажутся ли Молуккские острова на крайнем западе? Король Карл, как и его предшественник на престоле Фердинанд Католик, любил юридические споры и сутяжничество, когда была возможность поддержать свою претензию силой оружия. А из-за пряных островов стояло и повоевать. И подавно стоило дать Магеллану пять кораблей и 230 человек команды.

В Португалии были очень встревожены действиями «изменника» Магеллана. К нему подсылали людей с целью убедить его бросить начатую затею, вернуться на родину, обещали ему за это всякие милости. Он остался непреклонен. Некоторое время носились в Португалии с мыслью убить его. Но не успели: 20 сентября 1519 г., как было уже сказано, началось это первое за все существование человечества кругосветное путешествие, и Магеллан навсегда покинул Европу.

Долго и неуверенно было начало этого плавания. Переплыв Атлантический океан, Магеллан стал спускаться вдоль бразильского

берега к югу, внимательно исследуя, нет ли морского прохода на запад. Некоторое время он принимал устье р. Ла-Платы за начало желанного перехода и лишь после значительной потери времени убедился в ошибке. Наступил уже май 1520 г., т. е. начало зимнего сезона для тех широт. Магеллан все еще бродил у атлантического берега Южной Америки и не видел выхода. Тут, у берегов Патагонии, пришлось провести всю зиму (т. е. май, июнь, июль, август 1520 г.) и лишь с наступлением более длинных дней возобновить путешествие. С аборигенами вообще удавалось поддерживать сносные отношения, хотя и не обошлось без нескольких стычек. Более грозная опасность ждала Магеллана на борту его собственного корабля. Во время зимовки, трудной, холодной, полуголодной, вспыхнуло возмущение на одном из кораблей. Во главе встали двое офицеров и один судовой священник. Восставшие заявили, что Магеллан, как португалец, просто обманул испанского короля и цель его — не пройти к Молуккским пряным островам, а напротив, погубить всю эту испанскую экспедицию, во главе которой он встал. Магеллану удалось подавить возмущение. Не обошлось без двух казней, притом весьма варварских (виновные были четвертованы), и двух изгнаний с корабля (изгнанные пропали без вести). Но наступила, наконец, и весна (соответствующая нашим осенним месяцам), и Магеллан подошел к крайней южной оконечности Американского материка. Тут один корабль, отнесенный волнами далеко от остальных четырех, покинул экспедицию, команда на нем снова восстала, заковала в цепи капитана и повернула в Испанию. А Магеллан после долгих и трудных разведок вышел с оставшимися у него кораблями в пролив; один из оставшихся четырех кораблей разбился о скалы. Магеллан шел этим бурным и опаснейшим проливом между Американским континентом справа, на севере, и неведомой землей слева, на юге. Целыми ночами слева виднелись огни, и Магеллан назвал эту неведомую землю Огненной Землей. Наконец, на 22-й день после того как Магеллан вошел в пролив, он увидел перед собой беспредельный, гладкий, как зеркало, океан. Главная трудность была преодолена. Америка была обойдена, проход в новый западный океан был найден. Случилось это колоссальное по своим последствиям событие 28 ноября 1520 г. Вплоть до XX в., когда был прорыт Панамский перешеек, пролив, открытый Магелланом (и получивший его имя), оставался единственным проливом, соединяющим оба океана (они соединяются, конечно, и непосредственно южнее Огненной Земли). Но колоссальным это событие было прежде всего для экспедиции Магеллана: теперь ставилась задача плыть по этому новому «Тихому» океану, держа по-прежнему путь на запад. Через три с половиной месяца, 16 марта 1520 г., Магеллан был уже на Филиппинских островах, переплыв Тихий океан, шел он через океан наугад, соображая лишь, что Мо-

лукукские острова не могут быть очень далеко от экватора. Он уже почти достиг цели своих странствий — подошел западным путем к пряным островам, ему оставалось повернуть от Филиппин к югу, и при попутном ветре через несколько дней он очутился бы среди Молуккского архипелага. Но тут-то и ждала его смерть.

Задумав овладеть теми островами Филиппинской группы, куда он пристал, Магеллан поспешил «обратить в христианство» местного царька одного из этих островов, а затем объявил, что окрестные острова должны отныне повиноваться этому царьку. Остров Маутак (иначе Мотан) не пожелал подчиниться, Магеллан произвел высадку с целью приведения острова к покорности и здесь во время стычки был убит.

Испанцы спаслись бегством. Их корабли подошли к острову Борнео, а оттуда, наконец, к Молуккским островам. Еще один корабль они успели потерять за это время. Ни о каких завоеваниях уцелевшие на остальных двух кораблях команды не смели уже, конечно, и помышлять. Они направились от Молуккских островов через Индийский океан к Африке, обогнули ее вокруг мыса Доброй Надежды 19 мая 1522 г. и, идя к северу по Атлантическому океану вдоль западного берега Африки, вошли, наконец, осенью этого же года в испанские воды. Лишь один уцелевший корабль «Виктория» (из двух отошедших от Молуккских островов и пяти начавших за три года перед тем это путешествие) бросил якорь у берега Севильи. Первое во всемирной истории кругосветное путешествие было закончено. Люди обогнули земной шар в самой широкой его части — по экватору и близ экватора. Путешествие потребовало с небольшим три года.

Император Карл V (он же король испанский) достиг своей цели, и испанцы не переставали с тех пор оспаривать у Португалии права на владение если не всеми, то некоторыми из островов Молуккской группы; испанские торговые суда не переставали конкурировать с португальскими в вывозе драгоценных пряностей, а также драгоценных красящих веществ и дорогого пальмового дерева из этого далекого архипелага, так исключительно щедро одаренного природой.

Но несравненно важнее была другая сторона дела. Впервые географическая наука стала обретать сколько-нибудь прочное основание для дальнейшего развития. Впервые догадки и гипотезы античных мыслителей и некоторых смелых ученых, признававших шарообразность земли уже в XIV в., вдохновившие в свое время Колумба, превратились в полнейшую уверенность, в научно доказанный факт; после Магеллана продолжать считать землю плоскостью можно было, лишь умышленно одурманивая свой мозг религиозными суевериями и детскими сказками. Была неопровержимо доказана не только шарообразность земли, но и ее конечность, полная ее обособленность в пространстве, были созданы нужные психологические предпосылки к великому открытию Коперника, последовав-

шему через 20 лет после путешествия Магеллана. С точки зрения дальнейших открытий и расширения географических познаний путешествие Магеллана сыграло роль как бы огромной общего характера разведки, давшей пока еще только приблизительные, но уже не совсем гадательные понятия о величине Земли, о пространственных соотношениях между сушей и морем, в частности о колоссальном океане, отделяющем Америку от Азии.

В 1934 г. появилось основанное на всех известных к этому времени источниках специальное исследование о маршруте, которого держался Магеллан с того момента, когда он вышел в Тихий океан, и вплоть до того момента, когда он подошел к Филиппинским островам. Обнаруживается, что Магеллан, а после его смерти и его спутники, продолжавшие и окончившие путешествие, умышленно лгали и путали земли в корабельном журнале и давали умышленно неправильные объяснения. Один из спутников Магеллана, некий Бустаменты, уже на смертном одре покался в обмане и уточнил, в чем заключалось лично ему известное извращение истины: восточный берег Патагонии был показан умышленно ближе к берегам Европы, чем он на самом деле находится. И эта ложь, и другие неверные показания в том же роде мотивируются желанием Магеллана, его спутников и покровительствующего этой экспедиции Карла V доказать, что Молуккские и Филиппинские острова находятся «еще» в Западном полушарии (т. е. в испанской сфере по Тордесильясскому договору), а не «уже» в Восточном полушарии (т. е. не в португальской сфере).

Эта любопытная история, окончательно выясненная исследованием специалиста по изучению старинных путешествий, не является полной неожиданностью. Португальцы с XVI в. и вплоть до позднейших времен подозревали обман со стороны знаменитого мореплавателя и его испанского экипажа. Магеллан еще перед своим путешествием убеждал дону Фонсеку, председателя Королевского совета по управлению Индией (т. е. американскими владениями), что Молуккские острова находятся совсем недалеко от Панамы и значит — в испанской сфере влияния. Когда знаменитый мореплаватель увидел уже в пути, что Молуккские острова находятся на необъятном расстоянии от Америки и, таким образом, лежат не в Западном, а в Восточном полушарии и что очевидные факты противоречат его теории, то он, предвосхищая приписываемый Гегелю афоризм, решил, что «тем хуже для фактов», и принялся их умышленно извращать. В данном случае в игре были не интересы чистой науки, а несравненно более осязательные экономические интересы, связанные с вопросом об обладании Молуккскими и Филиппинскими островами. Испанское правительство поспешило, конечно, уверовать в правильность и доказанность теории Магеллана и на собрании португальских и испанских уполномоченных,

заседавших в Бадахосе в 1524 г., объявило и поддержало свои права на Молуккские и Филиппинские португальские острова. Спорить против аргументации Карла V, могущественного государя тогдашней Европы, португальцы не решались. Впоследствии Испания продала свои права на Молуккские острова португальцам, которые до Магеллана торговали и имели на этих островах свои стоянки и конторы.

Филиппинские острова так и остались за Испанией вплоть до 1898 г., когда они силой оружия были захвачены Соединенными Штатами Америки.

Очерк второй

Торговая конкуренция Испании и Португалии. Продвижение конкистадоров в Новом Свете. Завоевание Мексики и Перу испанцами и Бразилии португальцами. Влияние колонизации на экономику Испании. Причины падения колониального могущества Португалии. Критика защитников системы колонизаторов XVI в. Разоблачения Лас-Касаса.

Приток драгоценных металлов в Европу и «революция цен».

Нарушать Тордесильяский договор первыми стали португальцы, а не испанцы, несмотря на то что как раз Португалия считалась непосредственно после его заключения в наибольшем выигрыше.

Почему так случилось? Почему португальцы не удовлетворились достигнутыми преимуществами в Индии, что побуждало их к поискам новых богатств в запретных испанских морях и в испанском Новом Свете?

Когда в 1494 г. подписывался Тордесильяский договор, испанцы могли успокаивать себя тем, что он все же окажется более выгодным им, чем португальцам. Хотя вопрос, является ли Новая земля Индией или нет, оставался открытым, не было сомнений, что открытие Колумба произошло на западе. После высадки Васко да Гамы в Каликуте весы определенно склонились в сторону Португалии.

Во время первых своих путешествий ни испанцы, ни португальцы отнюдь не думали завоевывать новые земли; они рассчитывали только на ограбление этих земель, а также на выгодную для себя торговлю на отведенном каждому из них земном полушарии.

Европейские купцы поэтому предпочитали на первых порах подходить к местным людям с осторожностью, с поклонами и учтивостью — они сами боялись их. Но предупредительность в отношениях и обмене товарами исчезла, как только испанцы убедились в неимоверной слабости южноамериканских индейцев: проще всего было спаивать их водкой; исчезла и осторожность при продвижении в глубь материка.

Всего лет через 50 после открытия Колумба испанцы захватили два самых цивилизованных государства Южной Америки — Мексику в 1519—1521 гг., Перу в 1531—1533 гг.

Мы должны остановиться на этих захватах, чтобы показать, как они вернули силу первоначальным надеждам испанцев на выгоды, вытекающие для них из Тордесильяского договора.